

Алхимик

Автор:

Пауло Коэльо

Алхимик

Пауло Коэльо

«Алхимик» – самый известный роман бразильского писателя Пауло Коэльо, любимая книга миллионов людей во всем мире.

В юности люди не боятся мечтать, все кажется им возможным. Но проходит время, и таинственная сила принимается им внушать, что их желания неосуществимы.

«Добиться воплощения своей Судьбы – вот единственная подлинная обязанность человека...», – утверждает Пауло Коэльо.

Этот ставший культовым роман-притча способен изменить жизнь своих читателей.

Пауло Коэльо

Алхимик

Copyright © 1988 by Paulo Coelho

© Перевод, А. Богдановский

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие к русскому изданию

Получив экземпляр первого издания романа «Алхимик», я испытал искреннюю радость. В течение многих лет читатели-энтузиасты в России пытались распространять книгу самостоятельно – размещали в Интернете, передавали друг другу в виде книжек-самоделок, изготавливали фотокопии текста, который вы сейчас держите в руках. Однако, несмотря на все старания, никак не удавалось, в силу разных обстоятельств, добиться грамотного продвижения «Алхимика» на книжный рынок.

И вот наконец книгу издали и занялись профессиональным распространением «Алхимика» на российском рынке.

Ключевое понятие, которое лежит в основе повествования о путешествии пастуха Сантьяго, – это понятие «Своя Судьба». Что же такое Своя Судьба? Это наше высшее предназначение, путь, уготованный нам Господом здесь, на Земле. Всякий раз, когда мы делаем что-то с радостью и удовольствием, это означает, что мы следуем Своей Судьбе. Однако не всем достает мужества идти по этому пути, добиваясь встречи со своей заветной мечтой.

Почему же не у всех сбываются желания и мечты?

Этому мешают четыре препятствия. Первое состоит в том, что человеку с раннего детства внушают, что то, чего он в жизни больше всего желает, просто неосуществимо. С этой мыслью он вырастает, и с каждым прожитым годом его душа все больше обрастает коростой многочисленных предрассудков и страхов, переполняется чувством вины. И однажды наступает момент, когда желание следовать Своей Судьбе оказывается погребенным под тяжестью этого груза, и

тогда человеку начинает казаться, что он окончательно утратил ощущение своего высшего предназначения. Хотя на самом деле оно, разумеется, по-прежнему живет в его душе.

Если человеку все же хватит мужества извлечь свою мечту из недр души и не отказаться от борьбы за ее осуществление, его ожидает следующее испытание: любовь. Он знает, чего хотел бы добиться или испытать в жизни, но боится, что, если бросит все и последует за своей мечтой, он тем самым причинит боль и страдания своим близким. Это значит, что человек не понимает, что любовь не преграда, она не мешает, а, наоборот, помогает идти вперед. И тот, кто действительно желает ему добра, всегда готов пойти ему навстречу, постараться понять и поддержать его в пути.

Когда человек осознает, что любовь не преграда, а подмога в пути, его подстерегает третье препятствие: страх неудач и поражений. Тот, кто борется за свою мечту, сильнее других страдает, когда у него что-то не получается, поскольку он не вправе прибегнуть к известной отговорке: «Ну и ладно, не очень-то и хотелось». Как раз ему-то очень хочется, и он сознает, что на карту поставлено все. Он сознает и то, что путь, который определен Своей Судьбой, так же труден, как и любой другой, с той лишь разницей, что «там и будет сердце твое». Поэтому Воин Света должен обладать терпением, столь необходимым ему в трудные моменты жизни, и всегда помнить, что вся Вселенная способствует тому, чтобы его желание осуществилось, пусть даже самым непостижимым для него образом.

Вы спросите: а так ли необходимы поражения?

Необходимы они или нет, они случаются. Когда человек только начинает бороться за свои мечты и желания, он, по неопытности, совершает множество ошибок. Но в том-то и смысл бытия, чтобы семь раз упасть и восемь подняться на ноги.

В таком случае, спросите вы, зачем же нам следовать Своей Судьбе, если из-за этого нам предстоит страдать сильнее, чем всем остальным?

Затем, что, когда неудачи и поражения останутся позади – а в конце концов они непременно остаются позади, – мы познаем ощущение полного счастья и станем больше доверять самим себе. Ведь в глубине души мы верим, что достойны того,

чтобы с нами произошло нечто необыкновенное. Каждый день, каждый час нашей жизни – это момент Славного Сражения. Постепенно мы научимся радостно воспринимать и наслаждаться каждым мгновением жизни. Сильное страдание, которое может обрушиться на нас нежданно-негаданно, проходит быстрее, нежели то, которое кажется нам более терпимым – такое страдание может длиться годами, оно постепенно и незаметно начинает разъедать нашу душу, пока неодолимое чувство горечи не поселится в ней окончательно, до последних дней омрачив нашу жизнь.

Итак, когда человек извлек свою мечту со дна души и многие годы питал ее силой своей любви, не замечая рубцов и шрамов, оставшихся на сердце после многотрудной борьбы за ее воплощение, он вдруг начинает замечать, что то, чего он так долго желал, уже совсем близко и вот-вот осуществится – возможно, уже завтра. Именно на этом этапе его ожидает последнее препятствие: страх перед исполнением мечты всей его жизни.

Как писал Оскар Уайльд, «люди всегда разрушают то, что любят сильнее всего». И это действительно так. Само сознание, что вот-вот сбудется то, о чем человек мечтал всю жизнь, случается, наполняет его душу чувством вины. Оглядываясь вокруг, он видит, что многим так и не удалось добиться желаемого, и тогда он начинает думать, что и он тоже этого не достоин. Человек забывает, сколько ему довелось пережить, перестрадать, чем пришлось пожертвовать во имя своей мечты. Я встречал людей, которые, следуя Своей Судьбе, оказывались буквально в двух шагах от заветной цели, к которой стремились всей душой, но в последний момент делали массу глупостей и в результате их цель, до которой, казалось, было рукой подать, так и оставалась недостигнутой.

Из всех четырех это препятствие самое коварное, поскольку овеяно своего рода жертвенной святостью – человек словно отрекся от радости свершения и наслаждения плодами победы. И только когда человек осознает, что достоин того, за что он так страстно боролся, он становится орудием в руках Господа, и ему открывается смысл его пребывания здесь, на Земле.

Обо всем об этом, в символической форме, и повествует роман «Алхимик».

Пауло Коэльо

июль 2000 г.

Предисловие

Считаю своим долгом предупредить читателя, что «Алхимик» – книга символическая, чем и отличается от «Дневника мага», где нет ни слова вымысла.

Одиннадцать лет жизни я отдал изучению алхимии. Уже одна возможность превращать любой металл в золото или найти Эликсир Бессмертия достаточно соблазнительна для всякого, кто делает первые шаги в магии. Моим воображением, признаюсь, в особенности завладел эликсир, ибо пока я не осознал и не прочувствовал существования Бога, сама мысль о том, что когда-нибудь все закончится навсегда, казалась мне непереносимой. Так что, узнав о возможности создать некую жидкость, способную на многие-многие годы продлить наше земное бытие, я решил всецело посвятить себя ее изготовлению.

Это было в начале семидесятых, накануне последовавших затем глубоких преобразований, когда еще не было серьезных работ по оккультным наукам. Подобно одному из героев этой книги, я тратил все свои скудные средства на приобретение книг по алхимии, изданных за границей, и все свое время – на изучение их сложного символического языка. В Рио-де-Жанейро мне удалось разыскать нескольких ученых, всерьез занимавшихся Великим Творением, но от встречи со мной они уклонились. Познакомился я и с теми, кто именуют себя алхимиками, владеют соответствующими лабораториями и готовы открыть каждому тайны своего искусства – только, разумеется, за баснословные деньги; сейчас для меня совершенно очевидно, что на самом деле они ровным счетом ничего не смыслят в том, в чем считают себя знатоками.

Мое усердие и рвение уходило впустую. Мне не удавалось ничего из того, о чем на замысловатом языке говорилось в учебниках алхимии, пестрящих символами на каждом шагу – солнцами, лунами, драконами и львами. И мне все время казалось, что я двигаюсь не в том направлении: ведь сам по себе символический язык открывает широчайший простор для неправильных толкований. В 1973 году, в отчаянии оттого, что не продвинулся в своих штудиях ни на пядь, я совершил чрезвычайно легкомысленный поступок. В ту пору департамент образования в штате Мату-Гроссу пригласил меня вести занятия по театральному искусству, и я решил поставить в студенческом театре-студии спектакль на тему Изумрудной Скрижали с участием моих студентов. Даром мне

это не прошло, и подобные эксперименты вкуче с иными моими попытками утвердиться на зыбкой почве магии привели к тому, что уже через год я на собственной шкуре убедился в правдивости поговорки: «Сколь веревочке ни виться, а конец будет».

Следующие шесть лет все, что имело отношение к мистике, вызывало у меня лишь скептическую ухмылку. В этом внутреннем изгнаничестве я сделал для себя несколько важных выводов: мы принимаем ту или иную истину лишь после того, как вначале всей душой ее отвергнем; не стоит бежать от собственной судьбы – все равно не уйдешь; Господь взывает строго, но и милость Его безгранична.

В 1981 году в мою жизнь вошел RAM, и я познакомился с учителем, которому суждено было вернуть меня на предназначенную мне стезю. В дополнение к тем знаниям, которые я от него получал, я вновь, на собственный страх и риск, взялся изучать алхимию. Однажды вечером, после изнурительного телепатического сеанса, я спросил, почему алхимики выражаются так сложно и расплывчато.

– Существует три типа алхимиков, – ответил он. – Одни тяготеют к неопределенности, потому что сами не владеют своим предметом. Другие знают его, но знают также и то, что язык алхимии направлен к сердцу, а не к рассудку.

– А третьи? – спросил я.

– Третьи – это те, кто и не слышал об алхимии, но кто сумел всей своей жизнью открыть Философский Камень.

И после этого мой Учитель, относившийся ко второму типу, решил давать мне уроки алхимии. Вскоре я понял, что ее символический язык, столько раз сбивавший меня с толку и так меня раздражавший, – это единственный путь постичь Душу Мира, или то, что Юнг называл «коллективным бессознательным». Я открыл Свой Путь и Знаки Бога – те знаки истины, которые мой интеллект прежде отказывался принимать из-за их простоты. Я узнал, что задача достичь Великого Творения не есть удел горстки избранных – она адресована всему человечеству, населяющему эту планету. Не всегда, разумеется, Великое Творение предстает перед нами в виде яйца и флакона с жидкостью, но каждый из нас, несомненно, способен открыть Душу Мира и погрузиться в нее.

Вот почему «Алхимик» – книга символическая, и на ее страницах я не только излагаю все, что усвоил по этому вопросу, но и пытаюсь воздать должное тем великим писателям, которые смогли овладеть Всеобщим Языком: Хемингуэю, Блейку, Борхесу (сходный эпизод есть в одном из его рассказов, где действие происходит в средневековой Персии), Мальбу Тагану и другим.

В завершение чересчур, может быть, пространного предисловия и чтобы пояснить, кого относил мой Учитель к алхимикам третьего типа, приведу историю, которую он же поведал мне как-то в лаборатории.

Однажды Пречистая Дева с младенцем Христом на руках спустилась на землю и посетила некую монашескую обитель. Исполненные гордости монахи выстроились в ряд: каждый по очереди выходил к Богоматери и показывал в ее честь свое искусство: один читал стихи собственного сочинения, другой демонстрировал глубокие познания Библии, третий перечислил имена всех святых. И так каждый из братии, в меру сил своих и дарований, чествовал Деву и младенца Иисуса.

Последним среди них был смиренный и убогий монашек, который не мог даже затвердить наизусть тексты Священного Писания. Родители его были люди неграмотные, – бродячие циркачи, – и сына они только и научили, что жонглировать шариками и показывать всякие нехитрые фокусы.

Когда дошел черед до него, монахи хотели прекратить церемонию, ибо бедный жонглер ничего не мог сказать Пречистой Деве, а вот опозорить обитель мог вполне. Но он всей душой чувствовал настоятельную необходимость передать Деве и Младенцу какую-то частицу себя.

И вот, смущаясь под укоризненными взглядами братии, он достал из кармана несколько апельсинов и принялся подбрасывать их и ловить, то есть делать то единственное, что умел, – жонглировать.

И только в эту минуту на устах Христа появилась улыбка, и он захлопал в ладоши. И только бедному жонглеру протянула Пречистая Дева своего сына, доверив поддержать его на руках.

Автор

Посвящается Ж. – Алхимику,

который познал тайну

Великого Творения

В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой;

у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его.

Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом,

а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.

Евангелие от Луки 10:38-42

Пролог

Алхимик взял в руки книгу, которую принес кто-то из путников. Книга была без обложки, но имя автора он нашел – Оскар Уайльд – и, перелистывая ее, наткнулся на историю о Нарциссе.

Миф о прекрасном юноше, который днями напролет любовался своим отражением в ручье, Алхимику был известен: Нарцисс до того загляделся, что в

конце концов упал в воду и утонул, а на берегу вырос цветок, названный в его память.

Но Оскар Уайльд рассказывал эту историю по-другому.

«Когда Нарцисс погиб, нимфы леса – дриады – заметили, что пресная вода в ручье сделалась от слез соленой.

– О чем ты плачешь? – спросили дриады.

– Я оплакиваю Нарцисса, – отвечал ручей.

– Неудивительно, – сказали дриады. – В конце концов мы ведь всегда бежали за ним вслепую, когда он проходил по лесу, а ты – единственный, кто видел его красоту вблизи.

– А он был красив? – спросил тогда ручей.

– Да кто же лучше тебя может судить об этом? – удивились лесные нимфы. – Не на твоём ли берегу, склоняясь над твоими водами, проводил он дни от зари до ночи?

Ручей долго молчал и наконец ответил:

– Я плачу по Нарциссу, хотя никогда не замечал, что он – прекрасен. Я плачу потому, что всякий раз, когда он приходил на мой берег и склонялся над моими водами, в глубине его глаз отражалась моя красота».

«Какая чудесная история», – подумал Алхимик.

Часть первая

Юношу звали Сантьяго. Уже начинало смеркаться, когда он вывел своих овец к заброшенной полуразвалившейся церкви. Купол ее давно просел и стал руиной, а на том месте, где была когда-то ризница, вырос огромный сикомор.

Там и решил заночевать Сантьяго, загнал через обветшавшую дверь своих овец и обломками досок закрыл выход, чтобы стадо не выбралось наружу. Волков в округе не было, но овцы порой разбредались, так что целый день приходилось тратить на поиски какой-нибудь заблудшей овечки.

Сантьяго расстелил на полу куртку, под голову подложил книгу, которую недавно закончил читать, и улегся. А перед тем как заснуть, подумал, что надо бы брать с собой книги потолще – и читаешь их дольше, и в качестве подушек они удобнее. Он проснулся, когда было еще темно, и над ним сквозь прорехи в остатках кровли сияли звезды.

«Еще бы поспать», – подумал Сантьяго.

Ему приснился тот же сон, что и на прошлой неделе, и опять он не успел досмотреть его до конца.

Он поднялся, выпил глоток вина. Взял свой посох и стал расталкивать спящих овец. Однако большая их часть проснулась в тот самый миг, когда и он открыл глаза, будто какая-то таинственная связь существовала между ним и овцами, с которыми он уже два года бродил с места на место в поисках воды и корма. «Так привыкли ко мне, что усвоили все мои привычки, – пробормотал он. – Знают даже мой распорядок дня».

Поразмыслив над этим еще немного, он сообразил, что, может быть, дело обстоит как раз наоборот – это он изучил их привычки и научился применяться к овечьему распорядку.

Однако иные овцы вставать не спешили, как ни подталкивал их Сантьяго кончиком посоха, окликаая каждую по имени. Он вообще был уверен, что они отлично понимают все, что он им говорит, и потому иногда читал овцам вслух то, что ему особенно нравилось в книжках, или рассказывал, как одинока жизнь пастуха, как мало в ней радостей, или делился с ними новостями, услышанными в городах и селениях, по которым ему случалось проходить.

Впрочем, в последнее время говорил юноша только об одном: о девушке, дочке торговца, жившей в том городе, куда он должен был прийти через четыре дня. Видел он ее лишь однажды, в прошлом году. Лавочник, торговавший сукном и шерстью, любил, чтобы овец стригли прямо у него на глазах – так будет без обмана. Кто-то из приятелей Сантьяго указал ему эту лавку, и он пригнал туда своих овец.

«Хочу продать шерсть», – сказал он лавочнику.

У прилавка толпился народ, и хозяин попросил пастуха подождать до обеда. Сантьяго согласился, сел на тротуар и достал из заплечной котомки книжку.

– Вот не знала, что пастухи умеют читать, – раздался вдруг рядом женский голос.

Подняв голову, он увидел девушку – по виду истую андалусийку: волосы длинные, черные, гладкие, а глаза как у мавров, покоривших в свое время Испанию.

– Пастухам незачем читать: овцы научат большему, чем любая книга, – отвечал ей Сантьяго.

Так слово за слово они разговорились и провели в беседе целых два часа. Девушка рассказала, что лавочник – ее отец, что жизнь у нее скучная и дни похожи один на другой как две капли воды. А Сантьяго рассказал ей о полях Андалусии, о том, что слышал в больших городах, по которым пролегал его путь. Он рад был собеседнице – не все же с овцами разговаривать.

– А где ты выучился читать? – спросила она.

– Где все, там и я, – ответил юноша. – В школе.

– Отчего же ты, раз обучен грамоте, пасешь овец?

Вместо ответа Сантьяго заговорил о другом: уверен был, что она все равно его не поймет. Он все рассказывал ей о своих странствиях, и ее мавританские глаза

то широко раскрывались, то щурились от удивления. Время текло незаметно, и Сантьяго хотелось, чтобы день этот никогда не кончался, чтобы лавочника осаждали покупатели и стрижки ждать пришлось бы дня три. Никогда прежде не случилось ему испытывать такого, как в эти минуты; ему хотелось остаться здесь навсегда. С этой черноволосой девушкой дни не были бы похожи как две капли воды.

Но тут из лавки вышел ее отец и отобрал для стрижки четырех овец из стада. Потом заплатил, сколько положено, и сказал:

– Приходи через год.

И вот теперь до назначенного срока оставалось всего четыре дня. Юноша радовался предстоящей встрече и в то же время тревожился: а вдруг девушка его уже позабыла? Много ведь пастухов гонят свои стада через их городок.

– Ну и пусть, – сказал он овцам. – Велика важность. И в других городах найдутся девчонки.

Но в глубине души он знал, что важность и в самом деле очень велика. И у пастухов, и у моряков, и у странствующих торговцев всегда есть один заветный город, где живет та, ради которой они готовы пожертвовать радостной возможностью свободно бродить по свету.

Уже совсем рассвело, и Сантьяго погнал отару в ту сторону, откуда поднималось солнце.

«Хорошо овцам, – думал он, – им ничего не нужно решать. Может быть, поэтому они и жмутся ко мне».

Им вообще ничего не нужно – были бы вода и трава под ногами. И покуда он знает лучшие в Андалусии пастбища, овцы будут его лучшими друзьями. Пусть день на день похож, пусть время от восхода до заката тянется бесконечно, пусть им неведомы книги и они не понимают языка, на котором люди в городках и селах пересказывают друг другу новости, – они будут счастливы, покуда им хватает воды и травы. А за это они радуют человека своим присутствием в его

жизни, щедро одаривают его своей шерстью и – время от времени – своим мясом.

«Стань я сегодня диким зверем и начни убивать их одну за другой, они поняли бы что к чему лишь после того, как я перебил бы большую часть отары, – думал Сантьяго. – Они больше доверяют мне, чем собственным своим инстинктам, и только потому, что я веду их туда, где они найдут пропитание».

Он сам удивился тому, какие мысли лезут ему сегодня в голову. Может, это оттого, что над церковью, где в ризнице вырос сикомор и где он провел ночь, висит проклятие? Вначале ему приснился сон, который он уже видел однажды, а теперь вот разозлился на своих верных спутниц. Он глотнул вина, оставшегося после ужина, и плотнее запахнул куртку. Он знал, что всего через несколько часов, когда солнце достигнет зенита, начнется такая жара, что не под силу будет гнать овец через пустоши. В этот час вся Испания спит. Зной спадет лишь под вечер, а до этого весь день предстоит таскать на плечах тяжелую куртку. Но ничего не поделаешь: именно она спасает на рассвете от холода.

«Надо быть готовым к сюрпризам погоды», – думал Сантьяго, радуясь, что куртка такая тяжелая и теплая. В общем, как у нее свое предназначение, так у Сантьяго – свое. Его предназначение в жизни – путешествовать, и за два года странствий по плоскогорьям и равнинам Андалусии он побывал во всех ее городах и селениях. Сантьяго собирался на этот раз объяснить дочке суконщика, как это так получилось, что простой пастух знает грамоту.

А дело было в том, что, пока ему не исполнилось шестнадцать, он учился в семинарии. Его родители мечтали, чтобы он стал священником – гордостью простой деревенской семьи. Они тяжело трудились, и все ради пропитания, подобно овцам.

В семинарии Сантьяго изучал латынь, испанский и богословие. Однако с детства обуревавшая его тяга к познанию мира пересилила стремление познать Бога или изучить досконально грехи человеческие. И однажды, навещая родителей, он набрался храбрости и сказал, что священником быть не хочет. Он хочет путешествовать.

– Сын мой, – сказал ему на это отец, – кто только ни побывал в нашей деревне. Люди со всего света приходят сюда в поисках чего-то нового, но уходят такими

же, как были. Они взбираются на гору, чтобы увидеть замок, и обнаруживают, что прошлое лучше настоящего. У них могут быть светлые волосы или темная кожа, но они ничем не отличаются от наших односельчан.

– Но я-то не знаю, какие замки в тех краях, откуда они родом, – возразил Сантьяго.

– Когда эти люди видят нашу землю и наших женщин, они говорят, что хотели бы остаться здесь навсегда, – продолжал отец.

– А я хочу повидать другие земли, посмотреть на других женщин. Ведь эти люди никогда не остаются у нас.

– Для путешествий нужны большие деньги. А из нашего брата крестьянина не сидят на одном месте только пастухи.

– Что ж, тогда стану пастухом, – сказал Сантьяго.

Отец ничего не ответил, а наутро вручил ему кошелек с тремя старинными золотыми:

– В поле однажды нашел. Считай, с неба упали. Купи себе отару овец и ступай бродить по свету, пока не поймешь, что наш замок самый главный, а краше наших женщин нет нигде.

И когда он благословлял сына, тот по глазам его понял, что и отца, несмотря на годы, неодолимо влекут странствия, как ни старался он заглушить эту тягу, довольствуясь благами оседлой жизни: надежным пропитанием и крышей над головой.

Небо на горизонте уже наливалось багрянцем, а потом вошло солнце. Вспомнив сказанное отцом, Сантьяго развеселился: он уже повидал множество замков и множество красавиц, из которых, впрочем, ни одна не могла сравниться с той, с которой через два дня он встретится вновь. У него есть отара овец, и куртка, и книга, которую всегда можно обменять на другую. А самое главное – исполняется его самая заветная мечта: он путешествует. Когда ему наскучат равнины и поля Андалусии, всегда можно продать овец и податься в матросы. А

если когда-нибудь надоест скитаться по морям, к тому времени он узнает другие города, других женщин, другие способы быть счастливым.

«Не знаю, удалось бы мне найти Бога в семинарии», – подумал Сантьяго, глядя на восходящее светило.

В своих странствиях он всегда предпочитал следовать по неизведанному пути. И в этой церкви ему еще ни разу не случилось ночевать, хотя в здешних краях он бывал часто. Мир огромен и неисчерпаем, и стоило Сантьяго хоть ненадолго предоставить овцам самим выбирать дорогу, на ней непременно встречалось что-нибудь интересное. Только вот сами они не понимают, что каждый день находят новые пути, что меняются пастбища и времена года: в голове у овец только пропитание.

«Может быть, и мы такие же, – думал пастух. – Ведь я и сам ни разу не подумал о других женщинах с тех пор, как познакомился с дочкой суконщика».

Он взглянул на небо, прикинул – выходило, что он еще до обеда будет в Тарифе. Там надо бы обменять книгу на какую-нибудь другую, потолще, наполнить флягу вином, побриться и постричься, чтобы как следует подготовиться к встрече с дочкой суконщика. О том, что его уже мог опередить какой-нибудь другой пастух, он старался не думать.

«Жизнь тем и интересна, что в ней сны могут стать явью», – думал Сантьяго, поглядывая на небо и прибавляя шаг.

Он вспомнил, что в Тарифе живет старуха, которая умеет толковать сны. Вот пусть и расскажет, что значит этот самый сон, приснившийся ему уже дважды.

Старуха провела гостя в заднюю комнату, отделенную от столовой занавесом из разноцветных пластмассовых бус. В комнате стояли стол и два стула, а на стене висело изображение Сердца Христова.

Хозяйка усадила Сантьяго, села напротив и, взяв его за обе руки, для начала вполголоса прочитала молитву.

Похоже, молитва была цыганская. Пастуху часто встречались цыгане – они, хоть и не пасли овец, тоже бродили по свету. А люди говорили, что живут они обманом, что продали душу дьяволу, что воруют детей, и те потом становятся в их таборах невольниками. Сантьяго сам в детстве до смерти боялся, что его украдут цыгане, и теперь, когда старуха взяла его за руки, этот страх вновь в нем проснулся.

«Но ведь здесь – святое Сердце Иисусово», – подумал он, стараясь успокоиться и унять невольную дрожь. Ему не хотелось, чтобы старуха что-нибудь заметила. Для верности он прочитал про себя «Отче наш».

– Очень интересно, – не сводя глаз с линий его руки, пробормотала старуха и вновь погрузилась в молчание.

Юноша еще больше забеспокоился. Дрожь передалась в руки, и он их поспешно отнял.

– Я не за тем пришел, чтобы ты мне гадала по руке, – сказал он, начиная жалеть, что вообще переступил порог этого дома: не лучше ли заплатить, сколько скажут, да и убраться отсюда поскорее. Подумаешь, какой-то сон, который приснился дважды.

– Знаю. Ты пришел, чтобы я растолковала тебе твой сон, – ответила цыганка. – Сны – это язык, на котором говорит с нами Господь. Когда это один из языков мира, с этого языка я еще могу перевести. Но если Господь обращается к тебе на языке твоей души, лишь тебе одному будет понятно сказанное Им. Деньги, впрочем, я все равно с тебя возьму, раз уж ты пришел за советом.

«Похоже, влип», – подумал Сантьяго, но отступать было некуда. Риск для пастуха – привычное дело: то волки нападут на стадо, то засуха случится. Риск и придает соль его жизни.

– Мне дважды снился один и тот же сон, – сказал он. – Будто я пасу своих овец на лугу, и тут появляется ребенок, хочет с ними поиграть. Я не люблю, когда кто-нибудь подходит к моим овцам: они чужих боятся. Только детей они к себе подпускают без боязни – уж не знаю почему. Не понимаю, как это овцы определяют возраст.

– Рассказывай сон, – перебила старуха. – У меня вон котелок на огне. Денег у тебя немного, а время мое стоит дорого.

– Ребенок играл да играл с овцами, – продолжал, немного смутясь, Сантьяго, – а потом вдруг подхватил меня на руки и перенес к египетским пирамидам.

Он помедлил, засомневавшись, знает ли цыганка, что это такое, но она молчала.

– К египетским пирамидам, – повторил он медленно и отдельно, – и там сказал мне так: «Если снова сюда попадешь, отыщешь спрятанное сокровище». И только захотел он указать мне, где же оно там лежит, как я проснулся. И во второй сон – то же самое.

Старуха долго молчала, потом вновь взяла Сантьяго за обе руки и внимательно вгляделась в ладони.

– Сейчас я с тебя ничего не возьму, – молвила она наконец. – Но если найдешь сокровище, десятая часть – моя.

Юноша рассмеялся от радости – приснившееся сокровище сохранит ему его жалкие гроши. Старуха, верно, и в самом деле цыганка: у цыган, говорят, не все дома.

– Так растолкуй же мой сон, – попросил он.

– Прежде поклянись. Поклянись, что отдашь мне десятую часть сокровища, тогда растолкую.

Пришлось поклясться. Но старуха потребовала, чтобы он повторил клятву на образе Святого Сердца Иисусова.

– Этот сон на Всеобщем Языке, – сказала она. – Я попытаюсь его растолковать, хоть это и очень трудно. Вот за труды я и прошу у тебя десятую часть сокровища. Слушай же: ты должен оказаться в Египте и найти свои пирамиды. Я сама и не слыхала про такое, но раз ребенок показал тебе их, значит, они существуют на самом деле. Вот и отправляйся к ним – там ты найдешь свое сокровище и разбогатеешь.

Сантьяго почувствовал вначале удивление, а потом досаду. Стоило ради такой чепухи разыскивать старуху? Хорошо хоть денег с него не взяла.

- Только время на тебя даром потратил, - сказал он.

- Я предупреждала: сон твой трудно разгадать. Чем необыкновенней что-либо, тем проще оно с виду, и смысл его под силу понять только мудрому. А поскольку я мудростью не отличаюсь, то мне пришлось выучиться другим искусствам - к примеру, гадать по руке.

- Как же я попаду в Египет?

- Это уж не моя печаль. Я умею только толковать сны, а не делать их явью. Иначе разве жила бы я как нищенка, побираясь у собственных дочерей?

- А если я не доберусь до Египта?

- Не доберешься - останусь без твоей платы за мое гаданье. Мне не впервой. А теперь ступай, не о чем нам больше с тобой разговаривать.

Сантьяго вышел от цыганки в сильном разочаровании и решил, что никогда больше снам верить не будет. Тут он вспомнил, что пора и делами заняться: отправился в лавку, купил кое-какой еды, обменял свою книгу на другую, потолще, и уселся на площади на скамейку попробовать нового вина. День был жаркий, и вино волшебным образом охладило юношу.

Овец своих он оставил на окраине городка, в хлеву у своего нового друга. У Сантьяго по всей округе были друзья - он потому и любил странствовать. Заводишь нового друга - и вовсе не обязательно видеться с ним ежедневно. Когда вокруг тебя одни и те же люди - как это было в семинарии, - то как-то само собой получается, что они входят в твою жизнь. А войдя в твою жизнь, они через некоторое время желают ее изменить. А если ты не становишься таким, каким они хотят тебя видеть, - обижаются. Каждый ведь совершенно точно знает, как именно надо жить на свете.

Только свою собственную жизнь никто почему-то наладить не может. Это вроде как старуха цыганка, что толковать сны умеет, а вот сделать их явью - нет.

Сантьяго решил подождать, пока солнце спустится пониже, и тогда уж гнать овец на выпас. Еще три дня до встречи с дочкой суконщика. А пока он взялся за новую книжку, которую выменял у местного священника. Книга была толстая, и на первой же странице описывались чьи-то похороны, вдобавок имена у героев были такие, что язык сломаешь. «Если я когда-нибудь сочиню книгу, – подумал юноша, – у меня на каждой странице будет новый герой, чтобы читателям не надо было запоминать, кого как зовут».

Едва лишь он углубился в чтение, увлекшись описанием того, как покойника зарывали в снег (Сантьяго самого озноб пробрал, хоть солнце и жгло нещадно), на скамейку подсел какой-то старик и затеял с ним разговор.

– Чем они все занимаются? – осведомился он, указывая на людей на площади.

– Работают, – сухо отвечал юноша, делая вид, что погружен в чтение.

На самом же деле он думал о том, как острижет четырех овечек перед дочкой суконщика, и она увидит, на что он способен. Сантьяго часто рисовал себе эту сцену, всякий раз мысленно объясняя изумленной девице, что овец надлежит стричь от хвоста к голове. Еще он перебирал в памяти разные занятные истории, которыми развлечет ее во время стрижки. Истории эти он вычитал в книгах, но собирался преподнести их так, словно все это происходило с ним самим. Вряд ли она когда-нибудь догадается: читать ведь не умеет.

Старик, однако, оказался настырным. Сообщив, что утомился и хочет пить, он попросил глоток вина. Сантьяго протянул ему флягу, про себя надеясь этим отделаться.

Не тут-то было – старик желал побеседовать. Вернув флягу, он спросил, что за книгу читает юноша. Сантьяго захотелось просто пересесть на другую скамейку, но отец всегда учил его быть вежливым со старшими, и потому он молча протянул книгу соседу: вдруг тот знает, как правильно произносится ее название. Если же старик неграмотный, то сам от него отстанет, чтобы избежать неловкости.

– Гм... – сказал старик, оглядев ее со всех сторон, словно вообще впервые видел такой странный предмет. – Хорошая книга, о важных вещах, только уж больно скучная.

Сантьяго удивился: старик, оказывается, не только умеет читать, но даже прочел именно эту книгу. Что ж, если она и вправду скучная, еще есть время обменять ее на другую.

- Она о том, о чем почти все книги, - продолжал старик. - О том, что человек не в силах сам выбрать свою судьбу. Вся эта книга только ради того, чтобы все поверили в величайшую на свете ложь.

- Какая это величайшая на свете ложь? - удивился Сантьяго.

- А вот такая: в какое-то мгновение наша жизнь становится нам неподвластна, и ею начинает управлять судьба. Совершеннейшая ложь.

- Мне это понять трудно, - сказал Сантьяго. - Меня вот, к примеру, хотели сделать священником, а я ушел в пастухи.

- Вот и хорошо, - кивнул старик. - Ты ведь любишь странствовать.

«Словно читает мои мысли», - подумал юноша.

Старик тем временем не спеша листал толстую книгу, как будто вообще не собираясь ее возвращать. Только сейчас Сантьяго заметил, что на старике арабский бурнус - впрочем, ничего особенного в этом не было: Тарифу от африканского побережья отделяет лишь узкий пролив, который можно пересечь за несколько часов. Арабы часто появляются в городке - что-то покупают и несколько раз в день творят свои странные молитвы.

- Вы откуда будете? - спросил он старика.

- Отовсюду.

- Так не бывает, - возразил юноша. - Никто не может быть отовсюду. Я вот, например, пастух, брожу по всему свету, но родом-то я из городка, где на горе расположен старинный замок. В том городке я родился.

- Ну, в таком случае я родился в Салиме.

Сантьяго не знал, где это – Салим, но спрашивать не стал, чтобы не позориться. Он уставился на площадь, по которой с озабоченным видом сновали прохожие.

– Ну и как там, в Салиме?

– Как всегда.

Ухватиться было не за что. Ясно было только, что город этот не в Андалусии, иначе он бы его знал.

– А чем вы там занимаетесь?

– Чем занимаюсь? – Старик раскатисто расхохотался. – Я им правлю. Я – царь Салима.

«Какую чушь иногда несут люди, – подумал юноша. – Право, лучше уж общаться с бессловесными овцами, которым бы только есть да пить. Или книги читать – они рассказывают невероятные истории, и именно тогда, когда хочется их услышать. А вот с людьми хуже: брякнут что-нибудь, а ты сидишь как оплеванный, не зная, что же сказать в ответ».

– Зовут меня Мелхиседек, – промолвил старик. – Сколько у тебя овец?

– Достаточно, – уклончиво ответил Сантьяго.

– В самом деле? Значит, моя помощь тебе не нужна, раз ты считаешь, что овец у тебя достаточно.

Юноша рассердился всерьез. Ни о какой помощи он не просил. Это старик попросил сначала вина, потом взглянуть на книгу, а потом с ним еще и разговаривай.

– Книжку верните, – сказал он. – Мне пора трогаться в путь.

– Дашь мне десятую часть своей отары – научу, как тебе добраться до сокровища.

Юноше вдруг все стало ясно. Старуха цыганка ничего с него не взяла, так что старик – это, наверное, ее муж, тоже цыган, специально ею подослан, чтобы наплести с три короба и выманить денег побольше.

Но, прежде чем Сантьяго успел произнести хоть слово, старик подобрал веточку и принялся что-то чертить на песке. Когда он наклонился, у него на груди что-то сверкнуло до того ярко, что юноша на мгновение ослеп. Однако не по годам проворным движением старик запахнул свое одеяние, а когда к Сантьяго вернулось зрение, он увидел у себя под ногами то, что начертил старик.

На песке, покрывавшем главную площадь маленького городка, он прочел имена своих родителей и историю всей своей жизни вплоть до этой самой минуты – прочел о своих детских играх и холодных семинарских ночах. Он прочел имя дочери лавочника, которое узнал впервые. Он прочел то, чего никогда никому не рассказывал: как однажды взял без спросу отцовское ружье, чтобы поохотиться на оленей, и как в первый и единственный раз в жизни переспал с женщиной.

«Я – царь Салима», – вспомнилось ему.

– Почему царь разговаривает с пастухом? – смущенно и робко спросил Сантьяго.

– Причин тому несколько, но самая главная та, что ты способен следовать своей Судьбе.

– Что это за Судьба? – спросил юноша.

– Все люди, пока они еще молоды, знают свою Судьбу. И в этот период жизни все понятно и все возможно. Они не боятся мечтать и стремятся ко всему тому, что им хотелось бы делать. Но с течением времени таинственная сила принимается их убеждать в том, что добиться воплощения их Судьбы невозможно.

Сантьяго не очень-то тронули слова старика, но «таинственной силой» он заинтересовался – дочка лавочника разинет рот, когда услышит про такое.

– Сила эта только кажется недоброжелательной, но в действительности она указывает человеку на то, как воплотить свою Судьбу. Она готовит к этому его дух и его волю. На этой планете существует одна великая истина: независимо от

того, кто ты и что делаешь, когда ты по-настоящему чего-то желаешь, ты достигнешь этого, ведь такое желание зародилось в душе Вселенной. Это и есть твое предназначение на Земле.

- Даже если я хочу всего-навсего бродить по свету или жениться на дочке лавочника?

- Или отыскать сокровище. Душа Мира питается счастьем человеческим. Счастьем, но также и горем, завистью, ревностью. У человека одна-единственная обязанность - следовать своей Судьбе до конца. В ней - всё. И помни: когда ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось.

Какое-то время они молча глядели на площадь и на прохожих. Первым нарушил молчание старик:

- Так почему же ты решил пасти овец?

- Потому что люблю бродить по свету.

Старик указал на торговца воздушной кукурузой, пристроившегося со своей красной тележкой в углу площади.

- В детстве он тоже мечтал о странствиях. Однако потом предпочел торговать кукурузой, копить да откладывать деньги. Потом, когда он состарится, проведет месяц в Африке. Ему не дано понять, что у человека всегда есть все, чтобы осуществить свою мечту.

- Лучше бы он пошел в пастухи, - сказал Сантьяго.

- Он подумывал об этом. Но потом решил, что лучше заняться торговлей. У торговцев есть крыша над головой, а пастухи ночуют в чистом поле. И у невест родители предпочитают, чтобы зять был торговцем, а не пастухом.

Сантьяго вспомнил о дочке суконщика и почувствовал укол в сердце. Наверняка и в том городке, где она живет, кто-то бродит с красной тележкой.

– Вот и получается, что мнение людей о пастухах и торговцах кукурузой оказывается важнее, чем свой Путь.

Старик еще полистал книгу и, похоже, зачитался. Сантьяго долго ждал, а потом все-таки решил отвлечь старика – ведь раньше и тот отвлек его от книги:

– А почему вы со мной об этом говорите?

– Потому что ты пытался следовать своей Судьбе. Но сейчас готов от нее отступить.

– И вы всегда появляетесь в такую минуту?

– Всегда. Причем могу предстать и в другом обличье. Иногда в виде правильного решения, иногда в виде удачной мысли. Иногда, в переломный момент, я подсказываю выход из затруднительного положения. Всего не удержишь. Но обычно люди моего появления не замечают.

И старик рассказал, что на прошлой неделе ему пришлось появиться перед одним старателем в образе камня. Когда-то этот человек все бросил и отправился добывать изумруды. Пять лет трудился он на берегу реки и расколол 999 999 камней в поисках хотя бы одного драгоценного. И тут отчаялся и решил отказаться от своей мечты, а ведь ему оставался всего-навсего один камень – и он нашел бы свой изумруд. Тогда старик решил вмешаться и прийти на помощь старателю, который так упорно шел своим Путем. Он обернулся камнем, подкатился ему под ноги, но старатель, разозленный и отчаявшийся из-за пяти лет бесплодных усилий, отшвырнул его от себя, пнув ногой. Однако вложил в удар такую силу, что камень, отлетев, стукнулся о другой, расколол его, и на солнце засверкал прекраснейший в мире изумруд.

– Люди слишком рано узнают, как им кажется, в чем смысл их жизни, – сказал старик, и Сантьяго заметил в его глазах печаль. – Может быть, поэтому они столь же рано от него отказываются. Так уж устроен мир.

Тут юноша вспомнил, что разговор у них начался с сокровища.

– Сокровища выносятся на поверхность земли ручьями и реками, они же и хоронят их в недрах земли, – сказал старик. – А если хочешь узнать подробней о своем сокровище – отдай мне каждую десятую овцу в твоём стаде.

– А может, лучше десятую часть того, что найду?

– Посулить то, чем не обладаешь, – значит рисковать самым правом на обладание, – укоризненно произнес старик.

Тогда Сантьяго сказал, что десятую часть своего стада он уже обещал цыганке.

– Цыгане знают, как добиться своего, – вздохнул старик. – Как бы то ни было, тебе полезно узнать, что все на свете имеет свою цену. Именно этому пытаются учить Воины Света. – Он протянул Сантьяго книгу. – Завтра в это же время ты пригонишь мне десятую часть своего стада. Тогда я расскажу, как найти сокровище.

И он исчез за углом.

Сантьяго вновь взялся было за книгу, но чтение не шло – ему никак не удавалось сосредоточиться. Он был взбудоражен разговором со стариком, потому что чувствовал: тот говорил правду. Юноша подошел к лотку и купил пакетик кукурузы, размышляя, сказать ли торговцу, что говорил о нём старик, и решил, что не стоит.

«Иногда лучше все оставить как есть», – подумал он. Скажешь – и торговец, который так привык к своему красному лотку на колесах, суток трое будет думать, не бросить ли ему все. «Избавлю его от этой муки».

И Сантьяго зашагал по улицам куда глаза глядят, пока не оказался в порту, перед маленькой будочкой с окошком. Там продавали билеты на пароходы в Африку. Ведь именно в Африке Египет.

– Что вам угодно? – спросил кассир.

– Может быть, завтра куплю у вас билет, – ответил ему Сантьяго и отошел.

Всего одну овечку продать – и ты уже в Африке. Эта мысль его смутила. А кассир сказал своему помощнику:

– Еще один мечтатель. Хочет путешествовать, а в кармане пусто.

Пока Сантьяго стоял перед окошечком кассы, ему вспомнились его овцы, и вдруг страшно захотелось вернуться к ним. Целых два года овладевал он искусством пастуха и достиг в нем совершенства – умел и остричь овцу, и помочь ей произвести на свет ягненок, и от волков защитить. Знал как свои пять пальцев все пастбища Андалусии, знал и точную цену любой из своих овец.

В хлев, где его дожидалось стадо, он пошел самой длинной дорогой. В этом городе тоже был свой замок, и юноша решил подняться по откосу и посидеть на крепостной стене. Оттуда видна была Африка. Кто-то ему когда-то объяснил, что из Африки в незапамятные времена приплыли мавры, надолго покорившие чуть не всю Испанию. Сантьяго терпеть не мог мавров: должно быть, это они и привезли сюда цыган.

Со стены весь город, вместе с рыночной площадью, где они со стариком еще недавно беседовали, был как на ладони.

«Будь проклят час, когда он мне повстречался», – подумал юноша. Ведь всего-то и нужно было, чтобы цыганка растолковала ему сон. Ни она, ни старик вроде бы не придали никакого значения тому, что он пастух. Верно, эти люди – одинокие и во всем изверившиеся – не понимают, что нет пастуха, который бы не был привязан всей душой к своим овцам. А Сантьяго знал про каждую все и во всех подробностях: та – яловая, та через два месяца принесет потомство, а вон те – самые ленивые. Он умел и стричь их, и резать. Если он решится уехать, они без него затоскуют и будут как потерянные.

Поднялся ветер. Он знал этот ветер – люди называли его «левантинцем», потому что это он вздымал паруса мавров, пришедших из Леванта, из восточной части Средиземного моря. Юноша, пока не побывал в Тарифе, и не подозревал, что африканское побережье так близко. Опасное соседство – мавры могут нагрянуть снова. Ветер усиливался. «Не разорваться же мне между овечками и сокровищем», – подумал Сантьяго. Надо выбирать между тем, к чему привык, и тем, к чему тянет. А ведь есть еще и дочка лавочника, но овцы важнее, потому что они зависят от Сантьяго, а она – нет. Да и помнит ли она его? Юноша был

уверен: она и не заметит, если он не появится перед ней через два дня, потому что все дни казались ей одинаковыми, а когда один день похож на другой, люди перестают замечать то хорошее, что происходит в их жизни всякий раз после восхода солнца.

«Я оставил отца и мать, замок, что находится возле моей родной деревни, – размышлял он. – Они привыкли жить в разлуке, и я привык. Стало быть, и овцы привыкнут, что меня нет».

Он снова оглядел с высоты площадь. Бойко шла торговля воздушной кукурузой; на той скамейке, где он разговаривал со стариком, теперь целовалась парочка.

«Торговец...» – подумал было Сантьяго, но закончить мысль не успел: прямо в лицо ударил новый порыв «левантинца».

Ветер не только наполнял паруса завоевателей-мавров, он нес с собой тревожащие душу запахи пустыни, запах женщин под покрывалами, запах пота и мечтаний тех, кто когда-то пустился на поиски неведомого, на поиски золота и приключений. Он приносил и запах пирамид. Юноша позавидовал свободному ветру и почувствовал, что может ему уподобиться. Никто не стоит у него на пути, лишь он сам. Овцы, дочь суконщика, поля Андалусии – все это лишь подступы к своему Пути.

На следующий день к полудню он явился на площадь и пригнал с собой шесть овец.

– Удивительное дело, – сказал он старику. – Мой друг без разговоров купил у меня всю отару и сказал, что всю жизнь мечтал стать пастухом. Хорошее предзнаменование.

– Так всегда бывает, – ответил старик. – Это называется Благоприятное Начало. Если бы ты, к примеру, впервые в жизни сел играть в карты, то выиграл бы почти наверняка. Новичкам везет.

– А почему так происходит?

– Потому что жизнь хочет, чтобы ты следовал своей Судьбе, и возбуждает аппетит вкусом удачи.

Затем старик принялся осматривать овец и обнаружил, что одна из них хромает. Юноша объяснил, что это не имеет значения, так как это самая умная овца во всем стаде и, кроме того, она дает много шерсти.

– Ну, так где же искать сокровища? – спросил он.

– В Египте, возле пирамид.

Сантьяго опешил. То же самое сказала цыганка, только ничего за это с него не взяла.

– Ты найдешь туда путь по тем знакам, которыми Господь отмечает путь каждого в этом мире. Надо только суметь прочесть то, что написано для тебя.

Сантьяго не успел ответить, как между ним и стариком закружилась бабочка. Он вспомнил, что в детстве слышал от деда, будто бабочки приносят удачу. Так же, как сверчки, ящерицы и четырехлистный клевер.

– Вот именно, – промолвил старик в ответ на его мысли. – Все так, как говорил тебе дед. Это и есть приметы, благодаря которым ты не собьешься с пути.

С этими словами он распахнул на груди свое одеяние, и потрясенный Сантьяго вспомнил, как вчера его ослепил блеск. Неудивительно – старик носил нагрудник литого золота, усыпанный драгоценными камнями. Так он и в самом деле царь, а переоделся для того, должно быть, чтобы не напали разбойники.

– Вот, возьми, – сказал старик и, сняв с нагрудника два камня, белый и черный, протянул их Сантьяго. – Они называются Урим и Туммим. Белый означает «да», черный – «нет». Когда не сумеешь разобраться в знаках, они тебе пригодятся. Спросишь – дадут ответ. Но вообще-то, – продолжал он, – старайся принимать решения сам. Ты уже знаешь, что сокровища – у пирамид, а шесть овец я беру за то, что помог тебе принять решение.

Юноша спрятал камни в сумку. Отныне и впредь принимать решения ему придется на свой страх и риск.

– Не забудь, что все на свете одно целое. Не забудь язык знаков. И – самое главное – не забудь, что ты должен до конца следовать своей Судьбе. А теперь я расскажу тебе одну коротенькую историю.

Некий купец отправил своего сына к самому главному мудрецу за секретом счастья. Сорок дней юноша шел по пустыне, пока не увидел на вершине горы великолепный замок. Там и жил Мудрец, которого он разыскивал.

Против ожидания, замок вовсе не походил на уединенную обитель праведника, а был полон народа: сновали, предлагая свой товар, торговцы, по углам разговаривали люди, маленький оркестр выводил нежную мелодию, а посреди зала был накрыт стол, уставленный самыми роскошными и изысканными яствами, какие только можно было сыскать в этом краю.

Мудрец не спеша обходил гостей, и юноше пришлось два часа дожидаться своей очереди.

Наконец Мудрец выслушал, зачем тот пришел к нему, но сказал, что сейчас у него нет времени объяснять секрет счастья. Пусть-ка юноша побродит по замку и вернется в этот зал через два часа.

«И вот еще какая у меня к тебе просьба, – сказал он, протягивая юноше чайную ложку с двумя каплями масла. – Возьми с собой эту ложечку и смотри не разлей масло».

Юноша, не сводя глаз с ложечки, стал подниматься и спускаться по дворцовым лестницам, а через два часа вновь предстал перед Мудрецом.

«Ну, – молвил тот, – понравились ли тебе персидские ковры в столовой зале? Деревья и цветы в саду, который искуснейшие мастера разбивали целых десять лет? Старинные фолианты и пергаменты в моей библиотеке?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/paulo-koelo/alhimik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)